

Свиток памяти

Валентина Корнева

«Воспоминание безмолвно
предо мной
Своей длинный развешает
свиток...»
А.С. Пушкин

Незримо время растворилось
в старинном парке средь
ветвей,
под крышей флигеля укрылось
и в кружевах сквозных аллей.
Шаги шуршащие столетий
едва улавливает слух...
И миг воспоминаний светел.
Царит Тургенева здесь дух...

Свободна мысль, преград
не зная,
она в пространствах и веках,
как птица, крылья
расправляет...
И вот уже Париж. Река,
тает Сена парашеты.
Лышнев говор парижан.
Весна. В вазонах первоцветы.
Каштаны в свесрах тут

и там...
Писатель русский вновь
проездом,
вдали от Родины своей.
Болезнь настала злобным
бесом.
Скорей бы Буживаль, скорей...
Печален дом его в «Ясени»,
за шпотор старость и недуг.
труса свидетель,

мрачной лени,
тоски, что накатила вдруг...
А рядом – шумное семейство
Богини-примы Винардо,
друзей забавы, лицедейство,
стихи, романсы и вино...
И он в чести на званом шпоре,
но одиночество томит.
Покот осанну его лире,
душе не власть – она болит...
«На красшке гнезда чужого»
вся жизнь сполна. Его
судьба...

Нет глаз родных, плеча
родного.
И ни к чему тоска, мольба.
Теперь «под гору» и дорога.
Настали тягостные дни.
«делать? Греть?»

Как долго?
А мысли?... Горькие они.
«Сожмишь...», «уйди...»
в воспоминаньях,
А там, на «самом дне» души,
Блеснет вдруг мысль
весенней ранью,
«Пахучей зеленой» глуши...

Орел и Миценск.
Как версты длинны.
Неторопливы ямщики.
Дорога. Спасский парк
старинный.
Деревня. Бабы. Мужики.
На окнах ставенки резные
и «намалеваны цветки»,
скворечни на шестах простые,
и над крыльчачками коньки...
Встает над росным садом
солнце.
Луч света зреет молодой.

Плеснули радуга в колодце
и небо с искристой звездой...
Все в доме барском

просыпалось,
в росе сияла каприфоль,
и солнце в цветниках
купалось...

Хозяйка вновь «вступала
в роль»:
крестьян журила, направляла:
кого на птичник,

скотный двор,
на сенокос, ведь дел немало,
полоть, вязать, кто в поле
шел...

Все делалось и в срок
справлялось
под строгим взглядом
госпожи.

А если что, рука «сжималась»...
О Господи, не накажи!

Как тянет в Спасское,
к аллеям,
бродить по парку до зари,
где тень прохладой душу греет
и так бессонны соловьи.
Как пруд зарос...

И запах тины...
А детство с ласковой тоской
манит к разуроченной плотине
и к небу с «ровной синевой».
«Безветрие, теплынь...

и воздух»
парным так пахнет молоком.
Вдохнешь – и сладко...

Вот и роздых.
Как тянет дегтем и дымком...
И он мальчонкой над оврагом
в круту «расщепленных» ражит,
на сене скошенном, в рубахе...

В овраге ручеек журчит.
Покой, простор родного края.
О тишь, довольство,
благодать!

И нужно ли другого рая
деревни русской сыну ждаты?
О колдовство воспоминаний!
О утонченный свет души!
В далеком детстве,

в зыбкой рани
Как память птицею кружит...

О спасский сад
благословенный,
поэзия родной земли,
для сердца русского друг

верный,
природы дар в нем и любви...
Здесь «чинный» не царил
«порядок»
на модный «английский манер».
Неприхотливый беспорядок:
дерев сплетенья,

разных «сфер»...
Березы, клены вперемешку,
черемух цвет и липы дух,
дуб вековой, вблизи орешник,
поляны, земляники крут...
Певали «хором», в беспорядке,
дрозды, кукушки, соловьи...
Порой в кустах сверкали
пятки

детей крестьянских...
Здесь они
искали ягоды, орехи,
в пруду ловили пестраек,
бежали взалупки... Утехи.
Смесь, толкались:
«Кто быстрее!»

Бывало, братьям разрешалось

играть с крестьянской
детворой,
процались озорство
и шалость,

но мать следила за игрой.
Забава для детей – качели,
играли в русскую лапту,
в «волян» и даже в карусели,
в мячи, ловили «на лету»...
Но «потаенные местечки»
в глуши, в «чащобе» средь

ветвей
«хранились», как к иконе
свечки,
у Ванички всего сильней.
В кустах, на крохотных
полянах,

где изумрудная трава,
царил дух мяты и дурмана
и в зелень билась синева.
Сюда бежал он скрытно,
«тайно»,

в прохладу свежую ветвей,
и слушал радостно-печально,
как пел бесечно соловей,
и любовался старым садом
и косогором с лозняком
в сравнении

с «домашним адом»,
жестокость где и произвол.
О сколько в доме неурядиц,
средь близких нелюбь
«с венца»,

обиды, страх, лукавства
кладесь
и лицемерье без конца...

Он вышел в мир
незащищенным,
в себе не чувствуя ядра,
той силы, крепости крученой,
чтоб в испытанных берегла...
Он рассуждал о «воле
сильных».

Снимал Державин с глаз
покров:

«От сильных защищать
бессильных...
Исторгнуть бедных из оков!»

Все в прошлом: скака,
«заграница»...
В Орле – Дворянка, бережок,
орловцев дорогие лица
и улочка, особнячок...
А во дворе орешник, липы,
сирени заросли, кусты...
Вот Орлик. К вечеру затихли
все птицы. Краски так

чисты...
В душе возникли звоны
строчек...

Роман «Дворянское гнездо».
Ах, как прекрасны, тихи ночи,
комета с голубым хвостом!
И образ Лизы прояснился,
в сознании совсем живой...
Калитина. Он не заблудился,
как свет лазори над Окой.
Она, как Пушкина Татьяна,
душой впитала русский дух.
И воспитала ее няня,
крестьянка русская. Не вдруг
в молитвах Лиза

и в преданьях,
вся в созерцаниях живых...
Ее несправедливость ранит,
читает жития святых.
Она скромна, благочестива
и права кроткого, светла.
В ней «тишина», «покой»...
Так мило...

Калитка скрипнула.
Лаврецкий,
хозяин молодой «гнезда».
Он юн еще, и «франт он
светский».

Тургенев верит: «Не беда...».
Лаврецкий автору так близок
и воспитаньем, и судьбой.
А «омут светский» жалок,
низок.

Обманутый своей женой,
Лаврецкий жизнь меняет
резко:
в усадьбу едет, в «голь
и глушь»,

где холм с оврагом, перелески,
и ветхий дом, и сотня душ.
В бурьяне сад, забыты ставни,
лопух да чернобильник в рост.
Мир для души забытый,
славный.

для «исцеленья» чист и прост...
Чем не герой его романа?
Он – либерал и дворянин,
в Россию «верит», в «идеаль»,
демократизм в нем до седин.
В сравненьях с Рудиным
в нем – «дело»,
и трезвый ум, любовь к земле.
Хозяином берется смело
и обретает «тишь» в себе...
И встречая с Лизой поэтична:
с ней заодно «лучистость
звезд»,

и май, и ночь...
Так романтично:
заросший пруд,
в купавах плес...
Но счастье призрачно героев,
возмездье ждет... За чьи
грехи?

И Лиза жертвует собою.
Вот монастырь. Шаги легки...
Лаврецкий постарел душой.
Коль в жизни тихий
перелом,
о счастье мыслит лишь
с тоскою.

Все заменил и быт, и дом.
Хозяин в нем (не вдруг)
проснулся:
он пашет землю, сеет, жнет.
Но в сердце юность...
Вновь вернулся
и тихий вздох, и звезд полет...
В Орле Тургенев. Где ж
Лаврецкий?

Над Орликом все тот же дом,
и старый сад приветом
детства,
скамейка... Мысли о былом.
Лаврецкий ту скамейку
тронул:
вся почернела, но жива...
И чувства закружили снова
так сладко: Лиза здесь жила...

Об авторе

Валентина Ивановна Корнева – поэт, прозаик, краевед, член Союза писателей России, автор семи книг, в том числе шести поэтических сборников: «Вербные свечи» (1999), «После разлуки» (2002), «Купель» (2004), «Большак» (2010), «Заповедное слово» (2016), книги стихов для детей «Кто живет со мною рядом» (2013) и историко-краеведческой книги «Град на Острожной горе» (2007). Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды». Член Академии российской литературы, дипломант ряда литературных конкурсов.